

Окончание. Начало на стр. 8.

— Вы были одним из любимых актеров Тарковского. Я всегда хотел спросить: как вы оцениваете то, что он сделал после отъезда, в Италии, Швеции?

— Андрей очень не хотел уезжать. Я видел его перед самым отъездом, он был болен, бледен, раздражен, говорил сестре Марине: «Они меня не выпихнут»... Уезжал он вполне официально, не в эмиграцию, а для работы над картиной. И я уверен — он вернулся бы. Он хотел вернуться с самого начала. Рак бронхов, убивший его, был следствием этой трагедии. Мне рассказывали Вадим Юсов и Глеб Панфилов, видевшие его в Италии, что он обоим говорил: «Я не могу больше здесь, хочу в мой домик под Рязанью». Но люди, бывшие рядом с ним, возвращаться не хотели. Что касается его тамошних работ: мне не очень близка «Ностальгия», там, на мой взгляд, не все узлы распутаны, а вот «Жертвоприношение» было вершиной его творчества. И несмотря на то, что он работал там с западными артистами, с западным оператором, на шведском острове, это совершенно русская картина. Конечно, Андрей вернулся бы после 87-го. Он говорил: «Как бы ни было трудно, жить надо в России».

— Если бы Тарковский вернулся — вряд ли мы увидели бы его в стане либералов.

— Думаю, вы правы.

К революциям отношусь резко отрицательно

— Знаю, вы читали философа Ивана Ильина в те еще годы, когда за него можно было получить срок. Сегодня мы наблюдаем массовый поворот к нему, его президент цитирует, снятый генпрокурор был большой его любитель, фильм вышел на госканале...

— Иван Ильин — один из русских пророков XX века. Идеи его настолько прекрасны, высоки, целомудренны, настолько божественны, что можно только приветствовать обращение государства к нему. Он предсказал все — распад России, подмену понятия «государство» понятием «корпорация»...

— Николай Петрович, я все это понимаю! Но когда Ильин становится интеллектуальной модой...

— Пусть! Пусть лучше Ильин будет интеллектуальной модой, нежели Дэн Браун.

— Кстати, почему вы поддержали идею Лукашенко запретить «Код» в Белоруссии? Имею в виду фильм, а не книгу: фильм провальный! Увидели бы люди, разочаровались, что плохого? Запрет только привлекает сердца...

— Не вижу ничего плохого в том, что запретили картину. Мне, чтобы высказаться о ней на телевидении, понадобилось посмотреть «Код». Я старался смотреть по возможности непредвзято. Ну все разваливается! Сценарий, актеры, музыка — все врозь, все мимо, два часа потерянного времени. А если молодой человек, не читавший Евангелия, это посмотрит — он же поверит этому бреду конспирологическому, в котором элементарных ошибок и нестыковок тьма... Плохое искусство не просто бесполезно — оно вредно. Особенно когда прикасается к главному.

— Хорошо, пусть лучше читают Ильина. Вы вообще замечаете, что ваши идеи постепенно становятся государственными, что происходит предсказуемый поворот к ним, что вы уже не чужак?

— Я это ощущаю, но происходящего недостаточно.

— Чего же еще?

— Не вижу национальной идеи. Я не слышу, чтобы кто-нибудь о ней говорил. А без нее у нас ничего не складывается.

Пробуюсь на роль Николая II

фото ИТАР-ТАСС

Бурляев был одним из любимых актеров Тарковского

— Я бы тоже не прочь услышать о национальной идее, но боюсь, она опять примет репрессивные формы...

— Никогда! Никогда русская идея не была репрессивной. Государственный террор, насилие, расправы — это век Просвещения, французская революция; большевики это повторили, а к русской идее все это не имеет никакого отношения. Я к революциям отношусь резко отрицательно. Это все чуждое, западное, привнесенное на нашу почву. Русское — это гармоничное, любовное, это идея сердца...

— «Единство, — возвестил оракул наших дней, — быть может спаяно железом лишь и кровью...»

— «...Но мы попробуем спаять его любовью, — а там увидим, что прочней». Да, это Тютчев.

Народ сбросит проамериканских политиков, и мы воссоединимся

— Я слышал, вы дружите с Александром Лукашенко. Расскажите о нем как о человеке, он с этой стороны мало у нас известен...

— Я не сказал бы, что это близкое знакомство. Несколько лет назад он принимал у себя «Золотого Витязя», был на открытии. Считаю, что это выдающийся государственный деятель. И самое ценное, он — один из немногих в мире некупленных политиков. Куплены все, всех сажают на крючок и потом манипулируют, а этого крестьянина новый мировой порядок не принял всерьез и потому проглядел. И потому он сегодня почти в одиночестве препятствует планам этого мирового порядка по развалу постсоветского пространства. Нашего пространства. Народ не зря отдаст за него 92 процента голосов. Я был там, видел — всё искренне. У народа там есть будущее, есть представление о завтрашнем дне. А у нас его нет. Ни у меня, ни у вас.

— Я бы с вами согласился, если бы не видел удручающей деградации Белоруссии под его властью. Интеллектуальной деградации прежде всего.

— Неправда! Я слежу за белорусской культурой. Еще 5–7 лет назад для меня было проблемой набрать достойный

на и Грузия — наши исторические сателлиты — сегодня в самой радикальной оппозиции к нам?

— К кому — к нам? К вам, кому мне?

— Нет, с нами все нормально...

— Вся элита украинской культуры участвует в «Витязе». На уровне творческой интеллигенции нет никакой вражды к России. И в Грузии то же самое: когда мы в основном тбилисском кинотеатре «Руставели» открывали кино клуб «Витязя», зал был переполнен, и какие там сидели люди! Весь цвет грузинской интеллигенции тянется к России, тоскует по ней. Что касается маленьких, кусачих, проамериканских политиков... Все это отойдет. Подождите, народ сбросит марионеток, мы воссоединимся. Мы опять будем вместе — сильные славянские республики, сильная Грузия... Да давно уже эта антинародная власть была бы сброшена — на той же Украине, где протест нарастает, вы сами видите, что происходит в Крыму, — если бы не вечная наша славянская отходчивость: побузят и разойдутся. Но всякому терпению есть предел — на Украине это уже видно.

Сегодня в кино в лучшем случае время эффектной пустоты. А в худшем — время прямого разврата.

ком музыкальном театре: декорации — как на Бродвее, живой оркестр, костюмы роскошные, и все это живет, работает, все это результат госполитики в культуре!

— И долго это может продержаться?

— Дай Бог, чтобы подольше. Белоруссия — прекрасный пример для нас. Там принимаются решения, на которые здесь не хватает государственной воли.

— Я иногда ловлю себя на мысли, что Лукашенко и в самом деле более предпочтительный для народа вариант, чем Саакашвили, не к ночи будь помянут. И хочу вас спросить: почему Украи-

Сергей Соловьев никогда не был для меня авторитетом

— Только что отмечалось 20-летие пятого съезда советских кинематографистов — тогда, в 1986 году, началась настоящая перестройка... Почему этот съезд прошел в обстановке такой эйфории, а кончилось плачевно?

— То была эйфория разнузданности. Я был в этом зале. Слышал свист и улюлюканье, видел травлю Бондарчука и Чухрая... Я оглядывался: что за люди? Вроде нормальные, опрятные... Почему вели себя как звери, почему распинали масте-

ров?! А вот — счастье травли, счастье вседозволенности...

— Среди выступавших были люди приличные и авторитетные.

— Например?

— Сергей Соловьев.

— Никогда не был для меня авторитетом. Помню его лозунг «Ассу» — в массы, деньги — в кассу». И все было понятно. И сам он понял, к чему призывал: его последний фильм — о катастрофе поколения, которое выросло в 90-е. Он снял картину о трагедии этого поколения. Да поздно.

— Я знаю, что вы давний оппонент Михаила Швыдкого, руководителя Федерального агентства по культуре и кинематографии. Чем он вас так злит?

— Одна его фраза «Мы должны отойти от кинематографа как можно дальше» о многом говорит.

— Ну, Николай Петрович! Он же имел в виду, что государство должно отойти от руководства культурой!

— А вот это спорный вопрос. Мы собирали на «Витязе» круглый стол, 33 страны: должно ли государство регулировать кинематограф? Должно. Не может оно отдавать на откуп частным лицам это мощнейшее средство воздействия. Нельзя тащить мерзость на экран. Мне рассказывала Валентина Малявина — она была в заключении, и ей многие говорили: мы пошли на преступление потому, что увидели это в кино. Пропаганду наркомании, воровства, коррупции...

— Николай Петрович, вы же понимаете...

— Я понимаю, что сегодня в кино в лучшем случае время эффектной пустоты. А в худшем — время прямого разврата и пропаганды мерзости. Это следствие того, что государство отошло от руководства искусством. Но придут другие времена. Не только у нас, а в планетарном масштабе.

Послесловие

...Иной читатель, вероятно, спросит: что же это вы не спорите с Бурляевым?

А я отвечаю: спорить с Бурляевым надо в другом жанре. Не в интервью. Надо делать что-нибудь в искусстве — это и будет возмещение, если получится.

Да и вообще — это разговор с Бурляевым, а не со мной. Вот снимусь в чем-нибудь вроде «Андрея Рублева», сделаю фестиваль, доживу до шестидесяти — тогда и выскажу все, что лично я думаю о Лукашенко, Тютчеве и Швыдком.

■ Дмитрий Быков.

фото Сергея Иванова

В «Бэмби» Николай Петрович снялся с сыном